

О.Н. АСТАФЬЕВА

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ И ДЕМАРКАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Пониманием того, что диссипативность процессов идентификации человека с сообществом, культурой или традициями – диагноз современности, пронизаны многие исследования зарубежных и отечественных авторов. Однако между картиной «размывания идентичности», представленной в большом массиве социально-гуманитарного знания в виде последствий общей глобализационной тенденции, и состоянием идентичности в социокультурной реальности конкретных сообществ, где потребности в связи между людьми не только не упраздняются, но, напротив, возрастают, образуется огромная пропасть.

Противоречивое единство идентификации – постмодернистская дискредитация всяких традиций и какой бы то ни было идентификации и рациональное идеологическое и/или мифологическое ее оформление в «воображаемых сообществах» (*Imagined communities*, по определению Б. Андерсона), становится центральной характеристикой современных коллективных идентичностей. Такова одна их методологических позиций, противоречащая не менее значимой для понимания процессов идентификации точке зрения на пространственные и культурные характеристики нации. Это понимание нации как реальной общности, имеющей свою историю, язык, религии, право и пр.; восприятие нации как результата развития государства – индустрии создания коммуникативных и транспортных сетей, институтов национальной культуры и образования; наконец, замена категории «нация»

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ, заведующая сектором Российского института культурологии (Москва).

на национальное (как коллективно разделяемый образ) и национализм (как политическую доктрину и политическую практику).

Несмотря на принципиальные различия (нация – реально существующее образование или «виртуальная» общность), в современных государствах сохраняет свое значение национальная культура – символический ряд (государственная геральдика, ритуалы и пр.), организации и учреждения, олицетворяющие власть, институты специализированной сферы (образование, искусство и пр.). С этим связано и то, что *национальная идентичность* по-прежнему строится на определенном ценностном ряде, включающем понятия «национального самосознания», «свободы», «патриотизма», «уважения к истории и культурным традициям», а уровень национально-культурной идентичности понимается в широком обобщенном смысле и рассматривается как интегративный, рационально конструируемый с использованием политических и идеологических механизмов феномен, образующий «культурную скрепу» для проживающей на одной территории коллективной общности.

Национальная идентичность базируется на синтезе социальных, культурных, политических идей и ценностей, достигаемом в результате взаимодействия различных конкурирующих моделей идентичности. Во многих странах важной составной частью национальной идентичности являются *этническая и религиозная идентичности*. Ядро национальной идентичности составляет культура – мощный интегрирующий символический (духовный) ресурс, в силу чего культурная идентичность, в отличие от гражданской идентичности (гражданской «принадлежности» конкретному государству), в большей степени является результатом личного выбора. Это не исключает участия государства в строительстве национально-культурной идентичности. К примеру, в таких странах как Испания, Китай, Мексика, Нигерия, и многих других при отсутствии этнического и языкового единообразия удалось сформировать концепцию единой нации. Понятно, что, формируя особое символическое пространство, насыщенное ценностно-смысловым содержанием, закрепляя образы, нормы и стили, передавая мифы и истории, государство интегрирует социокультурное пространство, создавая необходимые условия для социального взаимодействия и личностной самореализации.

Задан вопрос: все-таки почему во многих современных обществах, искусно владеющих рациональными методиками и прогрессивными технологиями, не удается снизить напряженность идентификации, избежать жестких противопоставлений «гражданской идентичности» и «культурной идентичности» как дискуссионной основы при объяснении сути национально-культурной идентичности? Несомненно одно: в иден-

тичности, как в зеркале, отражается наш сложный мир, основанный на различиях и постоянно находящийся в поиске модели их преодоления, подчас не замечая сходства и тождества как основы для взаимодействия. От того, как решается этот центральный вопрос о различиях, зависит понимание национально-культурной идентичности как одной из форм коллективных идентичностей.

***

Типология коллективных идентичностей, несмотря на расхождения в выборе критериев, закладываемых в ее основание, в принципе захватывает все стороны существования человека в разномасштабных социальных группах и сообществах. *Коллективная идентичность* является результатом массового (группового) осознания тождества и различий с людьми, включенными в другие общности, и проявляется в таких формах, как социальная, социокультурная, цивилизационная, этнокультурная, национальная, гражданская, гендерная, профессиональная, и других модификациях в зависимости от трактовки центральных понятий и содержащихся в них смыслах. Сразу же отметим, что наш подход к анализу идентичности в этой работе — междисциплинарный, поскольку меньше всего нам хотелось бы рассматривать любой из типов коллективной идентичности исключительно с точки зрения этнополитики или только как социопсихологическую категорию. В ряде случаев, однако, вряд ли удастся этого избежать, ведь речь идет *об осознании* человеком собственной принадлежности к определенной общности, пронизывающим все его индивидуальное и общественное бытие.

Культура, открывающая перед людьми мир Других людей и возможность общения с Другими, является важнейшим условием человеческого существования, поэтому *ракурс соотнесенности личностного с социальным* через культуру (как имманентно присущее ей противоречие) является, на наш взгляд, принципиально важным для различения идентичностей, объединенных общими понятиями «коллективная идентичность» и «индивидуальная идентичность» («персональная», «личностная»).

Несомненно, что эти две типологические группы образуют общую *идентификационную матрицу* человека и включены в структуру его личности, являясь сущностью самоидентификации. Коллективные идентичности в той или иной степени способны «нивелировать» индивидуальные идентичности, за счет чего, собственно говоря, и достигается внутренне сложное и противоречивое единство группы или сообщества. Именно благодаря умению человека включаться в социальное, производя над своим Я особый вид культурной деятельности («насилие культурой») —

«стирание» различий, «устранение» инаковости, адаптацию к отличиям с Другими («Чужими»), человек являет себя в Мы, осознавая себя не только через индивидуальное бытие, но и через совместное сосуществование с другими людьми. Эта поразительная по своей сути процедура *самопожертвования* — частичный и добровольный отказ от собственной возможности утвердиться в бытии человеку как уникальной и неповторимой личности — во-первых, есть закономерность воспроизводства социального и культурного взаимодействия людей в социокультурном пространстве, где сосуществуют «свои», «чужие», «другие», «иные»; во-вторых, является особой формой самоограничения и упорядочения проявлений человека в социальных коллективах, где проблема его самоутверждения в бытии уже не выступает только его личностной (частной) социопсихологической проблемой. Она становится фрагментом общего социального процесса, где индивид, солидаризируясь с группой, осознает себя ее частью, при этом продолжая искать собственное место в ней: это «место» в той или иной степени «предопределено» культурой через саму возможность его выбора.

В свою очередь единство личностей, сопряженных в общее пространство идентичности, достигается не за счет полного поглощения или смешивания индивидуальностей: идентичности оттеняют и дополняют друг друга, выстраивают иерархию связей уходящих друг в друга идентичностей, которая также неустойчива и подвержена модификациям и усложнениям, обусловленными изменениями объективных условий, а также субъективными переживаниями личностью своей социальности. Зарождение предпосылок модели «множественной идентичности», являющейся в условиях глобализации одной из самых распространенных идентификационных моделей, во многом связано с желанием воплотить труднодостижимое равновесие между индивидуальной свободой и потребностью в человеческой солидарности.

При таком понимании сложности идентификационного процесса неизбежна актуализация проблемы *пространства коллективного самознания как рамочных условий*, сдерживающих личностное начало в пространстве социального и культурного. Заметим, границы идентификационных матриц коллективных идентичностей в той или иной степени подвижны, независимо от того, будет ли это политическая, этнокультурная, национально-культурная, транснациональная идентичности и др. В исследованиях «надличностного» единства зачастую нивелируются личностные аспекты, но именно в этих пространствах происходит саморазвитие личности. В ряде случаев это происходит в жесткой форме социального «конструирования» (к примеру, «человека политического») или

при становлении одной из форм его коллективной идентичности (скажем, этнической, гендерной, профессиональной и др.).

Таким образом, в рамках одного исследования ограничения, о которых мы говорили выше, неизбежны. Поэтому сосредоточимся на проблемах коллективных идентичностей как социального и культурного единства разных индивидов, осознающих себя как группу или сообщество, обладающего разделяемой его членами культурой, в т.ч. ценностями, нормами, отношениями и др., уделив особое внимание динамике коллективных идентичностей в условиях глобализирующей социокультурной реальности.

Культурно-цивилизационные изменения, связанные с процессом глобализации, затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, меняют образ жизни и смыслы культуры. Глобализация государств, изменение их функций и системы международных отношений сопровождаются небывалым возрастанием регионализации, локализации, глокализации, сочетающей глобальные экономические и технологические притязания властной элиты с особенностями местной культуры и традиций. Следствием глобализации, меняющей социокультурную конфигурацию, разрушающей прежнюю целостность человека и оказывающей влияние на ее новую конфигурацию, становятся процессы *реструктуризации и демаркации* коллективных и индивидуальных идентичностей. Быстро модернизирующийся глобальный мир предлагает новые образцы, модели, стили и образы жизни взамен быстро устаревающих, тем самым обостряя проблемы адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в общем социокультурном пространстве.

Все эти факторы усложняют понимание коллективной идентичности, ибо ранее существующие концепции и теоретические положения уже не всегда согласуются с окружающей реальностью. Мир изменяется значительно быстрее, чем идет процесс осмысления социокультурных трансформаций и их последствий для человека, чем осуществляется выбор новых стратегий культурной политики с учетом культурного разнообразия¹.

Как подчеркивалось, сегодня вряд ли вообще можно говорить о коллективной идентичности как стабильной идентичности, ведь множество людей, динамично перемещаясь в социальных пространствах и включаясь в разные социальные образования, испытывают кризис идентичности. Причины неустойчивости социокультурных картин мира кроются в

---

¹ См.: *Canclini N.G. Cultural Policy Options in the Context of Globalization // The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / Ed. by Gugi Bradford, Michael Gary and Glenn Wallach. N.Y., 2000. P. 302-326.*

неспособности людей идентифицировать себя со своей культурой, в умении включиться в выработанную человечеством систему ценностей, элементарным отсутствием навыков и знаний относительно их действий в социуме, необходимых для удовлетворения новых потребностей, желаний, стремлений. Это связано также с наступлением новой эпохи, влекущей за собой новый тип информационной культуры, новых моделей и паттернов поведения. Наконец, межпоколенный разрыв, насильственное исключение из исторической памяти мифов, фактов, событий, создание новых образов на описательном и нормативном уровне уменьшает шансы идентификации индивидов с социокультурной реальностью, тем самым усиливая кризис и индивидуальной, и коллективной идентичностей.

Преодоление неустойчивости коллективных идентичностей, обостряющейся под давлением глобализации, и обретение новых идентичностей происходит в процессе социальных коммуникаций посредством обращения через культуру к «своим» и «другим», в процессе поиска общих для конкретного поколения людей ценностей и смыслов.

Глобализационный контекст задает новые методологические рамки для осмысления будущего национально-культурной идентичности (так как любые изменения в трактовке «нации» и «национального государства» привносят в понимание идентичности не только разные оттенки, в принципе), подводит основания для прямо противоположных выводов. Столкновением трех точек зрения на место национального государства в современном мире (ослабление власти, трансформация или усиление роли национальных государств) определяется характер и направленность национальной идентичности.

Думается, что утверждения Д. Хелд и Э. Макгрю о трансформации власти, реартикуляции роли и функций государств в результате пересечения сетей и систем в процессе глобализации и регионализации – сигнал о необходимости вести политику другими средствами, чтобы удержать свой суверенитет и автономию². Не только территория, но и культура рассматривается как ресурс национального государства.

С одной стороны, усложнение и многообразие современных государств, которые объединяются общим понятием *nation-state*, объясняется не только типом государства как социокультурного феномена и всеми вытекающими из этого факторами, но и включенностью в общемировую

---

² См.: Held D., McGrew A. Globalization, Regionalization and the transformation of political community. Paper for the Political Studies Association-UK 50th Annual Conference 10-13 April 2000, London. P. 21.

глобализационный поток, отношением с другими культурно-цивилизационными сообществами, наконец, функцией, которую государство берет на себя, когда вписывается в социокультурные тренды, ориентирующие на внутреннюю (внешнюю) интеграцию и/или дифференциацию (со своими внутренними или внешними доминантами).

В научном дискурсе модели взаимодействия культур также противопоставляются по фактически утратившей свою исключительность оппозиции (партикуляризм—универсализм), когда обсуждение разворачивается только вокруг двух возможных вариантов развития культур — либо только на унификацию, либо — на культурное разнообразие. В результате такой трактовки коллективные идентичности (прежде всего национальная и этническая) рассматриваются как альтернативные и взаимоисключающие, в то время как, по сути, являются взаимодополняющими, хотя зачастую и конкурирующими.

В глобализирующемся мире плюралистическое сосуществование культур и рост регионализации при расширении фундаменталистских движений усиливают неопределенность перспектив и провоцируют появление новых противоречий, усиливая идентификационный кризис и образование гибридных идентичностей. Противоречия, характеризующие разновекторные тенденции, уже длительное время не позволяют разрешить проблему европейской идентичности, без которой самоопределение Европы как региональной общности остается незавершенным. Именно поэтому достижением ее национального единства (*nation-state unit*) как целевой установкой пронизан политический и научный дискурс.

Таким образом, изменение природы национального государства модифицирует практики формирования идентичности и соотношение между национальной и региональными идентичностями³. Однако очевидно, что по отношению к культуре партикуляристская линия в этом типе рассуждений, несомненно, превалирует, так как идея сохранения этнокультурного разнообразия включена в региональные идентичности стран Западной Европы.

С другой стороны, если правы те, кто считает очевидным частичный переход властных полномочий на внешний по отношению к национальному государству уровень и потому не видит национального выхода из ловушки глобализации, полагаясь на иные решения — такие, как транснациональный вариант⁴, то, вероятно, на вопрос «Может ли тогда *транс-*

---

³ См.: *Loughlin J.* Nation, state, and Region in Western Europe // Culture: Building Stone for Europe 2002: Reflections and Perspectives / Ed. L. Bekemans. Brussels, 2002. P. 229-248.

⁴ См.: *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001. С. 272.

национальная идентичность выступать альтернативой национально-культурной идентичности?» мы вряд ли сможем дать однозначно положительный ответ. Дело в том, что глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, провоцирует манифестации «неполных граждан», национализм диаспор, повышает значимость новых коллективных идентичностей, формируемых на уровне субкультурных и иных образований. При этом, заметим, значимость определения своей национально-культурной и *цивилизационной идентичности* большинством сообществ не отрицается.

Поиск ответа на вопрос «Кто мы такие?» актуален сегодня не только для Америки. Он актуален для всего мира, утверждает С. Хантингтон⁵. С этим трудно спорить, но так какие же идентичности являются адекватными современной ситуации? Удастся ли в ближайшем будущем преодолеть разногласия по пониманию коллективных идентичностей и решить задачи по осуществлению *синтеза между демократическим равенством и культурным разнообразием* в глобальной цивилизации, возвращенной из местных привязанностей, из содержательных культурных споров, из переосмысления «нашей» идентичности, чтобы провести новые разделительные линии и установить новые национальные границы?⁶ И на этот вопрос, заданный С. Бенхабиб, также трудно получить конкретный ответ.

Таким образом, современный этап глобализации усложняется разнонаправленными векторами социокультурного развития: в одних странах очевидно усиление идеи нации в условиях кризиса национальной идентичности, в других — намечается ослабление суверенитета и автономии государственных образований в условиях транснационализации. Параллельно намечается усложнение внутренних тенденций — активное участие в создании надгосударственных структур и институтов, институциональные преобразования, рост националистических настроений среди населения. Их открытая демонстрация становится частью повседневной жизни, в то время как совсем недавно это были редкие выступления в периоды «встреч на высшем уровне» руководителей этих стран, включенных в глобальные проекты и программы.

Это вполне объяснимо. «Вращивание» национально-культурной идентичности в условиях глобализации рассматривается как проблема достижения социальной сплоченности и жизнеспособности национального сообщества, укрепление культурных ресурсов ее воспроизводства.

---

⁵ Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identities. N.Y., 2000. P. 322.

⁶ См.: Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эпоху: Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003. С. 220.

Поэтому, более чем когда-либо, государства, входящие в систему мирового сообщества, пытаются удержать свой авторитет и сохранить свои культурные ценности и традиции в условиях транснационализации. Среди таковых сегодня США, Китай, Франция, Япония, Иран и др., которые позиционируют себя как сильные национальные государства, предоставляющие гражданам своих стран широкий спектр прав и свобод, прежде всего гражданских прав – демократических форм участия и самоопределения культурной принадлежности, в т.ч. права на сохранение своей *этнокультурной идентичности*.

Национально-культурная, этнокультурная и транснациональная идентичности – разные типы искусственно созданных в сознании людей «объектов», которыми регулируются отношения и правила взаимодействия между членами группы и в отношениях с иными людьми. Наряду с другими коллективными идентичностями, прежде всего культурной идентичностью (отражающей приверженность к определенным ценностям, традициям, жизненным стандартам), они образуют сложный каркас «множественной идентичности», преломляемый личностью через свое Я в самых причудливых формах. В отличие от гибкости и пластичности индивидуальных идентичностей, обладающих динамичной иерархичностью, наделенных «ситуативностью», коллективные идентичности являются результатом длительного во времени (измеряемого жизнью не одного поколения) процесса их становления.

Наиболее показательна в этом отношении связка «*свой-чужой*», которая в этнокультурном и национальном типе коллективной идентичности имеет свою специфику, со всей остротой «обнажается» в определенные исторические периоды развития социальной общности, проявляется с большей или меньшей настойчивостью как проблема отношения к различиям⁷. Кроме того, осознание индивидуальной идентичности как глубоко личностный, эмоционально и психологически окрашенный самоорганизационный процесс («самоидентификация человека») осуществляется на всех этапах социализации и закрепляется в культуре личности, на ментальном, языковом, поведенческом уровнях, в силу проникновения рефлексии во все поры каждодневного существования людей не оставляя места для устойчивого определения человеком своей идентичности⁸.

В свою очередь становление коллективной идентичности в глобализирующемся мире – процесс не менее сложный, связанный с обращением к разнообразным инструментам формирования коллективной иден-

---

⁷ См. об этом: *Гречко П.К.* Различия: от терпимости к культуре толерантности. М., 2006.

⁸ См.: *Шеманов А. Ю.* Самоидентификация человека и культура. М., 2007. С. 160.

тичности на уровне массового сознания. Он включает в себя осмысление и трансформацию передаваемой из поколения в поколение культурной информации, наделяемой особыми смыслами и обладающей важностью для конкретной социальной группы, разработку технологий передачи рациональных целевых установок, расширение методов регулирования социальных отношений и действий, вступающих во взаимодействие с системой коллективных архетипов, символическим миром культуры, мифами, рождающими соответствующую картину мира, а также ценностными ориентациями, образами, моделями индивидуального и социального поведения. Поэтому в разные исторические периоды процесс идентификации одной общности с другой – это процесс «переоткрытия», «сдвига границ», сопряжения рефлексивности, стихийности и рациональных решений, проявляющихся с разной степенью интенсивности в конкретных социальных общностях, т.е. очевидных в своей пространственно-временной конкретности.

Подчеркивая постоянное столкновение и смену центробежных и центростремительных тенденций в становлении коллективной идентичности, В. Хёсле утверждает, что люди испытывают тягу друг к другу только благодаря тому, что они разные, но только понимание друг друга позволяет им решить, следует ли им избегать или даже бороться друг с другом⁹. Сложность современной ситуации в разных странах мира объясняется одновременным проявлением тенденций к «нагрузению» идей культурных различий политическим фоном, исчерпанностью «старых» вариантов мультикультурализма, отсутствием источников пополнения ресурсов множественной идентичности.

К примеру, тема «европейской» идентичности соседствует во Франции с актуализирующейся проблематикой этнокультурной идентичности выходцев из стран Карибского бассейна, ныне уже являющихся полноправными гражданами страны и, казалось бы, обладающих одной из устойчивых коллективных идентичностей. В Великобритании в «постколониальный» и миграционный дискурс включается тема английского национализма, связанная с увеличивающимися расхождениями между идентичностью «англичан» и «британцев», для которых все очевиднее становится наступление времени выбора пути развития – по модели европейского федерализма или по модели мультикультурализма¹⁰; на пря-

---

⁹ См.: Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123.

¹⁰ См.: Kumar K. «Englishness» and English National Identity // British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity / Ed. by David Morley and Kevin Robins. N.Y., 2001. P. 41-55.

жения, связанные с будущим национальной идентичности и культурной идентичности в условиях появления гибридных образований по типу «британской азиатской идентичности», «британской идентичности черных (выходцев из Африки)» и др.¹¹ По сути, глобализация порождает повышенный интерес к корням, а с учетом того, что «британская идентичность» всегда была сложной политической проблемой, то значение таких факторов, как «цвет кожи», «историческое происхождение», «сельский житель – городской житель», и многих других в условиях миграционного «давления» повышается.

Наложённый глобализацией пресс на специфику британской модели национально-культурной идентичности – ее неустойчивость, объясняемая признанием существования различий между культурной и религиозной идентичностью англичан, шотландцев, жителей Уэльса, Северной Ирландии, – приведет, по мнению разных исследователей этой проблемы, к усилению кризиса коллективной идентичности. Подчеркивая, что национальная мобилизация типично территориальна по своей природе, так как использует границы для сопротивления транснационализму, К. Кумар, тем не менее, относит идею укрепления территориальной идентичности к контрпродуктивным, показывая, что высокоурбанизированное население Великобритании открыто для взаимодействия, использует преимущественно английский язык, мобильно в освоении новых пространств, в т.ч. сетевых¹².

Не менее сложными представляются идентификационные процессы и на африканском континенте. С одной стороны, здесь установилась стабильная ситуация, при которой права этнокультурного большинства и меньшинства принимаются уже как данность. Однако, с другой стороны, исторически сложившаяся ситуация в условиях модернизации и глобализации обнажает долгие годы не выходящие на поверхность противоречия, что также усиливает кризис идентичности. Возрастают взаимные претензии и усиливаются не только внутренние противоречия между расовой и этнической идентичностью (кого считать «коренным», кого поселенцем,

---

¹¹ См. об этом: *Hall C.* British Cultural Identities and the Legacy of the Empire // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / Ed. by David Morley and Kevin Robins. N.Y., 2001. P. 27-39; *Pines J.* Rituals and Representations of Black «Britishness» // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / Ed. by David Morley and Kevin Robins. N.Y., 2001. P. 57-66; *Modood T.* British Asian Identities: Something Old, Something Borrowed, Something New // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / Ed. by David Morley and Kevin Robins. N.Y., 2001. P. 67-78.

¹² См.: *Taylor P.* Which Britain? Which England? Which North? // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / Ed. by David Morley and Kevin Robins. N.Y., 2001. P. 140-141.

кого иммигрантом), но и между этими вариантами и гражданской, политической идентичностью. Колониальная власть использует ресурс «интеллектуального воображения» в вопросах признания тех или иных сообществ как «origins», идентифицируя их как коренные, подлинные сообщества. В политическом дискурсе многих африканских стран различаются понятия «политическая общность» и «культурная общность», и в зависимости от закрепления за ними либо политических, либо исторических культурных прав сообщество идентифицируется как принадлежащее к «origins»¹³.

Столь же очевидны вызовы идентичности в арабском мире: население региона включено в ситуацию «конкурирующих идентичностей». При этом политические, социальные, классовые конфликты не разрушают этническую и сопровождающую ее (зачастую включающую в нее) *конфессиональную идентичность*. Арабский мир чаще всего называют исламским миром. Его население проявляет уважение к причастности человека к тому или иному клану «по крови», при этом поддаваясь с большим или меньшим усилием давлению интеграционных тенденций на уровне гражданства, что выражается прежде всего через приверженность к тем или иным политическим партиям.

Однако в целом давление этнической и даже «сверхархаических» идентичностей над национальной идентичностью, anomia, нормативная дезориентация, атрофированность государства как сильного политического органа исследователи оценивают как завершающий этап прогрессивного развития в арабском мире. В текущем арабском дискурсе усиливаются призывы к реорганизации гражданской идентичности, а укрепление мифов о далеком прошлом рассматривается как форма проявления самобытности, как последствие усиленного глобализационными процессами кризиса¹⁴. Но подобные проблемы не всегда связаны лишь с усилением этнической идентичности, поскольку множество современных государств имеет сложившуюся полиэтническую структуру, что не мешает им поддерживать национальную культуру, посредством которой страна выходит на уровень мировых коммуникаций, сохраняя при этом все многообразие включенных в нее этнических культур (обогащенных еще и субкультурным разнообразием). Тем самым формируется пространство позитивной совместимости этнокультурной идентичности личности с национально-культурной, гражданской и иными типами коллективной идентичности.

---

¹³ См.: *Mandani M.* Race and ethnicity as political identities in the African context // Keywords: Identity. NY, 2004. P. 21.

¹⁴ См.: *Al-Azmeh A.* Identity in the Arab world // Keywords: Identity. NY, 2004. P. 62-63.

В настоящее время воспроизводство этнокультурной идентичности осуществляется в двух основных формах через традиционные институты культуры и институты гражданского общества: в условиях компактного проживания людей, относящих себя к одному этносу, и в условиях этнокультурной дисперсии. С одной стороны, этнокультурная идентичность формируется в процессе социализации и инкультурации как образование общеразделяемых людьми (личностью, социальной группой и др.) ценностей (картины мира), моделей поведения, психологических черт, поступков, особенностей поведения, складывающихся в процессе длительного совместного проживания в рамках определенной социальной системы (государства, региона и пр.). С другой стороны, в XX–XXI вв. под влиянием глобализационного потока произошли небывалые до этого времени перемещения огромных потоков (повтор) людей с нажитых территорий, что искусственно «прервало» трансляцию культурных традиций и воспроизводство культурного кода, усложнило процесс формирования коллективных идентичностей, в т.ч. воспроизводство этнокультурной идентичности.

Однако территориальный признак не всегда является определяющим при формировании коллективной идентичности, особенно тех ее типов, которые актуализируются в условиях глобализации, когда миграция и сопровождающая ее этнокультурная дисперсия достигают небывалых ранее масштабов. Как показывают процессы, происходящие в разных странах, идентичность вне общей территории может также «возвращаться» на идеях этнокультурной самобытности. Она выступает своего рода ограничением и ориентациями на закрытость, основанными на осознании собственной этнокультурной идентичности в рамках эволюции диаспор. Зачастую это выливается в активизацию выступлений этнических меньшинств в защиту своей культуры и гражданских прав в условиях «дрейфующей» идентичности, проявляется в повседневных социокультурных практиках, когда возрастает значение внеинституциональных форм организации социальной жизни. Возникают разветвленные сетевые коммуникации между расселенными в разных странах диаспорами.

Являются ли сети институтами гражданского общества? С одной стороны, мотивации к взаимодействию ограничиваются принципами землячества, родства, соседства. С другой стороны, среди коммуникационных технологий все шире получают распространение инновационные интернет-практики — особый тип социальных сетей, ориентированных на глобализацию повседневности, позволяющих поддерживать виртуальное этнокультурное сообщество. Возникающий в этой связи вопрос касается прежде всего того, каким образом процессы этнокультурной дис-

персии могут регулироваться государством? Каким путем решается проблема позитивной совместимости этнокультурной, национально-культурной и гражданской идентичности в возникающих диаспорах или трансформирующихся под влиянием глобализационного контекста «старых» диаспорах?

В настоящее время диаспоры не всегда выступают системным этнокультурным образованием, ибо осознание ими этнического своеобразия и базирующейся на ее ценностях субкультурной идентичности может как иметь институциональную поддержку, так и носить спонтанный или самоорганизационный характер отношений с людьми, представляющимися «коренными» («origins») жителями страны. Более того, в современных либеральных демократических государствах, испытывающих давление миграционных потоков, национальная идентичность, как правило, поддерживается разными ресурсами, но включение субкультурной идентичности в коллективную идентичность на уровне повседневности происходит в разных моделях и может иметь разные последствия (сосуществование на принципах дополнительности; мультикультурный сценарий; гибридизация и пр.).

В гражданских обществах фиксируется рост этнокультурных объединений как институционально оформленных сообществ, позволяющих включенным в них людям реализовать потребность в различных видах социальной и культурной активности посредством особого комплекса ценностно-смысловых, нормативно-регулятивных и знаково-коммуникативных средств, который вкупе с механизмами культуры быденного уровня обеспечивает воспроизводство этнокультурной идентичности.

Согласно принципам «теории коллективного процесса» Г. Д. Лассуэлла, «извлечение подтекста» позволяет раскрыть значение любой институциональной деятельности или личностных особенностей для человеческих ценностей¹⁵. Короче говоря, подтекст таков: включение в деятельность этнокультурных объединений актуализирует у их членов этническую картину мира, люди становятся носителями определенного набора норм и ценностей, во многом определяющих их жизнедеятельность. Фактор «причастности к коллективу», а не только к этнокультурному сообществу, позволяет переключить мифологические представления об исключительности исторических фактов и незыблемости традиций, связанных с ними «территориальных притязаниях» на взаимодействие к общению с его членами, чтобы осознанные и признанные перспективы сов-

---

¹⁵ См.: Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика: Монография / Пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. М., 2005. С. 270.

местного существования соответствовали идентификациям и были востребованы личностью. Поэтому в определенной мере этнокультурные объединения, не являясь политическими движениями, обретают свою жизнеспособность смещением частных эмоций на общественные объекты. «Извлечения подтекста» при интенсивном изучении этнокультурной самобытности личности – это проблема «прозрачности» деятельности описываемых сообществ, соотношенности формируемых этим институтов ценностей со сложной российской идентичностью.

Усложнение и реструктуризация идентификационных моделей связаны еще и с тем, что саморазвитие этнических культур в условиях гражданского общества и информационной открытости включено в общий полилог культур в условиях глобализации, образуя контрапункт «перекрестных» связей (культур, развивающихся в рамках светских государств и этнических сообществ, разделяющих разные религиозные убеждения; традиционных культур и культур постиндустриальных обществ с высокими технологиями) и т.д. Процесс трансформации этнокультурной идентичности влияет не только на усложнение форм межкультурных коммуникаций. Изменение динамики культурных взаимодействий связано с формированием глобальной культуры и транскультурных идентичностей; «глокализация» создает предпосылки для синтетических форм культурной идентичности.

Однако центральной при обсуждении перспектив этнокультурной идентичности остается проблема сохранения культурного разнообразия, проявления самобытности культур в современном мире. В глобализирующемся пространстве это может быть «самобытность в условиях открытости», которая связана со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур. Носители этнической культуры этого типа открываются навстречу контактам с другими культурами, тем самым создавая атмосферу «предуготовленности» к межкультурному диалогу. Иные цели преследуются носителями «самобытности как формы закрытости»: защита своего природного и социокультурного пространства, противопоставление своих ценностей чужим, которые распространяются по разным каналам. Наиболее перспективной видится «самобытность, устремленная в будущее, – *project identity*», создающая основы для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма¹⁶.

---

¹⁶ См.: Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Инноземцева. М., 1999. С. 307-308.

Соответственно, с одной стороны, *ориентации на ценности открытого мира* не обязательно ведут только к унификации культуры, но могут служить поддержанию культурного плюрализма и этнокультурного разнообразия путем создания полей ценностного взаимодействия. Однако, с другой стороны, не исключены сценарии, при которых открытость как процесс сближения будет способствовать формированию образцов транснациональной культуры, вбирающих в себя и нивелирующих этнические ценности и этнокультурную самобытность. Существуют и иные, менее осознаваемые, но не менее сложные и в какой-то мере опасные для сохранения культурного разнообразия альтернативы будущего развития культур в ситуации постоянных контактов, взаимодействий и взаимовлияний.

На современном этапе глобализации тенденции изоляционизма («защитной самобытности» традиционных культур и т.п.) уже не рассматриваются как ведущий фактор, поддерживающий этнокультурное разнообразие мира. По мнению П. Штомки, человечество сегодня переходит от модели изоляции к модели глобализации, впервые превращаясь в своей истории в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на земле. Опираясь на мнения известнейших экспертов, ученый раскрывает концепции, разные по пониманию образа будущего, подчеркивая, что в политических, экономических и культурных отношениях у глобального сообщества пока доминирует тенденция к единообразию. Унификация охватывает структуру и формы потребления, стиль жизни, художественные вкусы и предпочтения. Средства массовой информации и их лидер — телевидение транслируют свои программы вне каких бы то ни было границ, а единые компьютерные программы и единый язык коммуникации, «туристический бум» медленно, но все-таки размывают местные культурные традиции. По всем странам и континентам распространяется массовая потребительская культура западного типа, становясь «универсальной» и востребованной¹⁷.

Транснационализация социокультурного пространства приводит к смешению и переплетению культур¹⁸, появлению разных моделей гибридизации. Говоря о термине «гибридизация», который означает «скрещивание», Н.Г. Канклини подчеркивает, что в данном случае речь не идет ни о расовом смешении, ни о сближении религиозного или символичес-

---

¹⁷ См.: Штомка П. Социология: Анализ современного общества / Пер. с польского С.М. Червонной. М., 2005. С. 602-620.

¹⁸ О сущности процесса транснационализации, см.: Астафьева О.Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура, общество в контексте глобализации. М., 2007. С. 5-11.

кого порядка. Гибридизация – сложный процесс, а не единая программа, и она может либо ускорить распад ослабленных культур, либо стимулировать многокультурную интеграцию, либо обострить межкультурное противоречие. Гибридизация может возникать вследствие интенсификации миграционных потоков. Кроме того, процесс культурной гибридизации может стимулироваться (или, напротив, сдерживаться) инструментами дифференцированной культурной политики либо «вращиваться» коммуникационным рынком¹⁹. В результате взаимодействия культур образуются сложные пересекающиеся пространства, испытывающие на себе влияние регулятивных механизмов различных субъектов.

Каковы же последствия стратегий, направленных на стимуляцию гибридизации? Этот вопрос – один из самых дискуссионных. «Для глобалистов, – пишет З. Бауман, – культурная гибридизация, возможно, явление созидательное, освобождающее от пут, но культурное бесправие местных таковым не назовешь; речь здесь идет о понятном, но досадном стремлении первых смешивать эти два явления»²⁰. Сложность и острота противоречий, раздирающих глобализирующийся мир, влияют на перспективы этнокультурной идентичности. Когда С. Холл говорит о трех сценариях возможных последствий влияния глобализации на идентичность, не исключается и сценарий гибридизации. Впрочем, каждый из сценариев имеет серьезные основания в современной культуре, чтобы быть реализованным. По одному из сценариев ее результатом может стать достижение *культурной однородности*. Тогда этнонациональная идентичность и культура станут частью индустрии глобальной культуры и мультинациональных средств массовой коммуникации и информации. Если будет усиливаться *культурное сопротивление* глобальной культуре, то это укрепит национальный, региональный и локальный уровни идентификации. Наконец, не исключается третий сценарий – появление *«идентификационных гибридов»* – новых мощных субкультур, которые базируются на переплавке традиционных влияний²¹.

Таким образом, при увеличении контактов с «чужими» культурами (а это в условиях глобализации почти неминуемо) происходит *усложнение идентичности*, основанное как на строгом «разграничении» с иными картинами мира, так и на принятии чужих норм, стилей, образов жизни, не

---

¹⁹ См.: Канклини П.Г. К гибридным культурам? // Ключи от XXI века: Сб. статей / Пер. с франц. М., 2004. С. 115-117.

²⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М., 2004. С. 141.

²¹ См.: Hall S. The Question of Cultural Identity / Hall. S. et. al. (ed). *Modernity and its Future*. Cambridge, 1992. P. 300.

разрушающих идентификационную матрицу. Соответственно, картины мира различных этнических культур становятся либо *полифоничными*, где принятие каждого структурного компонента не нарушает самостоятельности и целостности культуры, либо *гибридными* – не имеющими аналогов формами, возникающими в результате смешения. Наиболее распространенными идентификационными моделями становятся *усложненная этнонациональная идентичность* и *этнокультурная маргинализация*, характеризующаяся утратой человеком связей со своей культурой, его готовностью вписаться в любой контекст, независимо от стиля и образа жизни. Технизм, проявляемый при этом людьми, свидетельствует о поверхностном освоении ценностей и норм как «своей», так и «чужой» культуры. На уровне личностной идентификации доминирует обособление, в то время как на уровне социальной общности (национальной, региональной) – примат солидарности и выстраивания общего ценностно-смыслового поля с включением этнокультурных факторов как неконфликтных.

Итак, глобализация, размывающая традиционные основы национальной идентичности, влияет на представления человека о себе, о своем месте в мире и о «Других», формирует новые модели индивидуального и группового поведения. Такие представления выстраиваются на основании соотнесения с известными ориентирами и ценностями, которые принимаются как «свои» либо отторгаются как «чужие». Центральный для групп, обществ, наций, цивилизаций, для каждого человека становится выбор референтных ориентиров, соотнесение с другими «воображаемыми сообществами», осуществляемое в процессе взаимодействия комплекса культурных факторов и механизмов социализации.

Весьма не простым оказалось «испытание» глобализацией и для национально-культурной идентичности в России. Исследователи правомерно относят процесс глобализации к тем факторам, которые еще больше обострили кризис национально-культурной идентичности. Российское общество оказалось в этих условиях перед потребностью решения модернизационных задач и необходимостью адаптации к «постмодерным», глобальным тенденциям мирового развития²².

Динамика ценностных предпочтений и представлений в массовом сознании россиян о современном глобальном мире и о культуре Запада

---

²² См. об этом: Глобализация и идентичность / Под ред. Г. Ершова. М., 2004; *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Проблемы и перспективы трансформации национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1; *Федотова В.Г.* Глобализация и российская идентичность // *Глобализация и перспективы современной цивилизации* / Под ред. К.Х. Делокарова. М., 2005. С. 150-172; и др.

показывает поворот в русле ориентаций к «исконно российскому», нравственным устоям и образу жизни, к общенациональным целям, объединяющим позиции всех групп. Среди них – повышение качества жизни, наведение порядка во всех сферах, создание равных возможностей для всех, усиление охраны здоровья населения, духовно-нравственное возрождение общества, словом, превращение России в великую державу XXI века²³. Таким образом, согласно закрепившейся точке зрения, глубинные истоки национально-культурной идентичности россиян, не зависящие от каких бы то ни было социальных изменений, прочно воспроизводятся в современном обществе. По мнению В.А. Тишкова, объединение возможно на идеях корпоративизма, т.е. достижимо технологиями социокультурной политики, так как в Российской Федерации сохраняется и поддерживается государством богатая культурная мозаика, а также растущий интерес современных людей к этнокультуре, что способствует российскому многообразию²⁴.

В концептуальном плане мультикультурализм (идея «культурной мозаики» в нем центральная) является *альтернативой* другим принципам сосуществования в сложных по своему этнокультурному составу обществах. Но эта концепция, с учетом и не совсем успешного опыта ее реализации в США, и позитивных моделей канадского корпоративного мультикультурализма, может выступить *концептуальным основанием для решения проблемы* совместного проживания представителей разных национальностей на одной территории.

Однако варианты обновленной идеи «многокультурности» не исключают их успешного включения в стратегии социокультурной политики, так как открытость российского общества к ценностным установкам и образу жизни народов разных стран, столкновение с другими ментальностями и субкультурными картинками мира прибывающих в страну мигрантов, увеличение числа носителей множественной идентичности обуславливают актуализацию адаптационных механизмов в новой социокультурной ситуации, приводят к пересмотру иерархии ценностей и веками формируемых социальных отношений. Полагать, что это не оказывает влияния на ментальные структуры личности и на принципы сохранения этнокультурного разнообразия в стране, по меньшей мере наивно.

Процесс идентификации в России в целом протекает напряженно, и хотя ряд тенденций соответствует мировым, тем не менее все очевиднее

---

²³ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Чершкова, Н.Е. Тихонова. М., 2005. С. 140.

²⁴ См.: Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1999–2004 гг. / Тишков В.А. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 15.

расхождение в основаниях для укрепления социальной сплоченности, неустойчивость ценностных ориентиров, наличие слабых интегрирующих идей. Все чаще исследователями признается, что государственные практики по формированию национальной идентичности россиян подвержены влиянию традиционного раскола — идейного и культурного. «Тотальная критика отсталости как модели организации социальной жизни поведения — одно из ключевых направлений социального процесса изобретения новой российской идентичности. В интеллектуальном смысле неологизм “отставание” появлялся в российском дискурсе всегда в переломные эпохи»²⁵. В условиях, когда идеи «модернизации» и «инноваций» вновь связываются с необходимостью преодоления цивилизационного отставания (при слабой социальной и культурной мотивации), укрепление идентификационных моделей и тем более демаркация коллективных идентичностей затруднительны.

Дело в том, что в условиях модернизации конструирование национальной идентичности связывается не только с риском идеализации прошлого, но и с риском историко-культурного забвения, подменой фактов, трансформацией символического пространства. «Формируется твердое убеждение в том, что тотальная секуляризация, формальная теизация, развитие индивидуализма без солидарности и социального партнерства порождают моральный релятивизм, разрушают ценностные основания единства россиян»²⁶, — заключают ученые, характеризуя состояние российской идентичности. Исследуя тенденции, формирующиеся в результате утраты чувства «близости» к коллективной общности, снижения адаптационных механизмов, архаизации символической и практической деятельности людей, Л.Н. Гудков относит национально-культурную идентичность в России к «негативным идентичностям». Ее доминирование проявляется в негативном, враждебном и агрессивном отношении людей друг к другу, в асоциальных поступках, отсутствии мотивации достижения, мобильности, активности, в создании условий для проявления негативной солидарности²⁷.

Переход общественных систем от традиционных к современным приносит разнообразие в социальные связи индивидов и групп, обуславливая изменчивость ее идентификационных моделей, что отражает общую

---

²⁵ Когатко Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика. СПб., 2010. С. 68.

²⁶ Там же. С. 134.

²⁷ См.: Гудков Л.Н. К проблеме негативной идентификации // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 283.

тенденцию социальной дестабилизации, которая привела к утрате целостности и устойчивости социальной идентичности, к чрезмерной «индивидуализации» идентичности²⁸. Жизнь раскрыла неоднозначность для человека последствий утверждения культуры неограниченного индивидуализма, в которой *ломка правил* является единственным правилом. Проблемы проявились в том, что, во-первых, «моральные ценности и общественные правила – не просто деспотические ограничения выбора, налагаемые на индивида, а скорее необходимые условия совместной деятельности любого типа»; во-вторых, утверждение в обществе культуры крайнего индивидуализма влечет за собой оторванность от общества; «истинную общность скрепляют ценности, нормы и опыт, которые члены данной общности разделяют», но по мере освобождения от традиционных связей они начинают думать, что смогут сохранить социальное общение. Однако в обществах с подобным состоянием у людей рождается «чувство одиночества и дезорганизации, тоски по более глубоким и постоянным отношениям с другими людьми»²⁹.

На наш взгляд, при всех описанных социальных деструкциях национально-культурная идентичность в целом обеспечивает необходимую степень устойчивости взаимоотношений между людьми, включенности в жизнь сообщества, а основополагающее значение культуры для формирования нации позволяет, а значит, по сути, уже включает в себя все многообразие культур, ее составляющих, представленное в виде истории совместного существования. Такой подход не разрушает их своеобразия, но «стягивает» разные культуры в рамках одного государства в национально-культурную целостность.

Сделаем еще одну оговорку. В России при соблюдении правовых норм и законов эти процессы не лишены негативных проявлений, когда идеи этнокультурной самобытности подменяются идеями этничности или национализма, что не работает на укрепление целостности российского государства. Если в начале 90-х гг. XX в. проявление этнонационализма в гипертрофированных формах рассматривалось все же как защитная реакция на разрушение прежних коллективных идентичностей, то в настоящее время недооценка важности поиска баланса между национально-культурной идентичностью россиян и сохранением этнокультурного разнообразия (соответственно, и этнокультурной идентичности) может привести к новому витку кризиса идентичности.

---

²⁸ См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003. С. 199-203.

²⁹ См.: Фукуяма Ф. Великий взрыв: Пер. с англ. / Под общ. ред. А.В. Александровой. М., 2004. С. 11-28.

Общеизвестно, неустойчивость коллективной идентичности связана с размытостью перспектив относительно будущего России, ее многокультурностью и поликонфессиональностью, с различными толкованиями понятий «нация» и «государство», со слабой макрорегиональной и региональной политикой, которая так и не в состоянии обеспечить условия, при которых наша общность как нация станет важнее этнокультурных различий.

В теоретических работах отечественных исследователей можно встретить описания разных подходов к конструированию национально-культурной идентичности. Значительная часть из предлагаемых моделей имеет множественное ядро, вокруг которого наращиваются другие идентичности, что соответствует ситуации «интенсивного поиска» интегративного варианта политического конструирования коллективной идентичности.

Какковы перспективы национально-культурной идентичности, если идти по пути соединения гражданской и этнической идентичности, так называемой модели «демократического гражданства»? По замечанию А.В. Дмитриева, они возможны, но вряд ли удастся бесконфликтно избежать противоречий, поскольку, с одной стороны, человек идентифицирует себя с принадлежностью к определенному государству, с другой — к этнической общности. При правовом равенстве всех граждан (а это является центральной характеристикой гражданской идентичности) их личные характеристики — пол, этнокультурная и религиозная идентичность — не должны иметь принципиального значения. В то время как этнокультурные общности собственное своеобразие и уникальность относят к сущностным характеристикам. Зачастую в процессе формирования национальной культуры этнокультурное своеобразие оказывается «атавизмом». В этом проявляется не только отрицание права на систему ценностей и особый образ жизни, «права на культуру самовыражения», но и направленность на дискриминацию носителя культуры. При этом сохранение культурных различий может стать творческим импульсом развития несхожих культур³⁰. В последнее десятилетие все чаще стали звучать идеи формирования системы ценностей и символов, сконцентрированных на достижении целостности России.

В общероссийский дискурс вводится понимание культурного многообразия как сложного явления, которое «не просто номенклатура проживающих на территории страны народов, а многообразные, в т.ч. множественные и многоуровневые формы идентичности»³¹. Понимая, что перспек-

---

³⁰ См.: *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтное измерение. М., 2007. С. 73-74.

³¹ *Тишков В.А.* Культурное разнообразие в современном мире // *Тишков В.А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 г. Оренбург, 2008. С. 142.

тивы идеи многокультурности, как обновленная и выстроенная по другим основаниям концепция мультикультурализма, способные обеспечить защиту культурных особенностей разных этнических групп от выравнивающего эффекта мирового интеграционного процесса, в России оцениваются неоднозначно, В.А. Тишков обращается к пониманию нации как граждан государства (подобно принятой типологии во Франции, Великобритании, США) и пишет, что «только после осознания фундаментальной несостоятельности идеи государства-этнуса и только после признания формулы российского народа как многоэтнической гражданской нации можно вести дальнейший разговор о национальных российских ценностях»³².

Таким образом, проблема коллективных идентичностей в России, в частности новой российской идентичности, когда демаркация закрепляет в качестве доминантных форм введенное в политический дискурс последних лет понятие «национально-гражданской» идентичности и «этнической» идентичности, приобретает иную окраску. При такой трактовке нация не понимается как этнокультурная общность, а национально-гражданская идентичность «включает не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, в локальной, этнической идентичности, здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы»³³.

Для поиска оснований для позитивной совместимости национально-гражданской идентичности с этнической последняя также дается в широкой трактовке, не только «как самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений»³⁴. Следует учитывать, что в условиях глобализации этническая идентичность ассоциируется с проявлением традиционности, а гражданская — с современностью.

На наш взгляд, перспективы подобной «связки» не лишены политических оснований, однако очевидна сложность внедрения в общественное сознание предлагаемого варианта, так как в настоящее время про-

---

³² Тишков В.А. О национальном идеале и ценностях // Этнопанорама. 2009. № 1-4. С. 78.

³³ Дробизева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М., 2008. С. 218.

³⁴ Там же. С. 219.

блему гражданской идентичности вообще невозможно решить вне глубокого анализа каждой конкретной ситуации. Дело в том, что некоторые современные национальные государства предоставляют возможность человеку официально признаваться гражданином двух-трех государств одновременно, что подтверждается правовыми документами. Но даже таким образом «стирая границы», индивид «не укладывается» в рамки одной конкретной национально-культурной идентичности.

Думается, что *гражданскую идентичность* человека, родившегося в одной стране, проживающего – в другой, а работающего – в третьей, мы могли бы назвать «мерцающей идентичностью». С одной стороны, ситуация «*трансграничья*», в которую включены люди, обладающие этим типом гражданской идентичности, – маркер современных интегративных процессов, однако с другой – это ситуация затрудняет процесс становления гражданской идентичности. Как преодолеть эти внутренние противоречия коллективной идентичности в условиях, когда принцип исключительной политической или культурной принадлежности каждого отдельного человека к одному государству постепенно теряет свою актуальность?³⁵ Выход видится в создании модели «мирового» гражданства, которая «могла бы нарушить связи между человеком и конкретной территорией, так как люди должны наделяться правами независимо от их национальной принадлежности», считает А.В. Дмитриев.

Принципиально важным представляется проблема соотношения национально-культурной и религиозной идентичности, которая требует серьезного теоретического обсуждения. В рамках данной статьи ограничимся лишь одним точным замечанием, данным на этот счет Ф. Фукуямой. Размышляя над тем, благодаря чему протестантизм сумел сформировать американскую предрасположенность к объединению, Ф. Фукуяма главную причину видит в том, что «протестантизм в Соединенных Штатах всегда имел сектантскую природу»³⁶. Свое заключение он аргументирует следующим: в связи с тем, что конституция страны запрещает устанавливать государственную религию на федеральном уровне (хотя в отдельных штатах это допустимо), принцип разделения церкви и государства всегда почитался как священный.

Хотя в европейских государствах был реализован принцип «огосударствления» религии и даже бы если этот факт способствовал развитию общинного (коллективного) чувства, «поскольку таким образом национальная и конфессиональная идентификация были бы едины и гражда-

---

³⁵ См.: Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2007. С. 74.

³⁶ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 467.

не, кроме политической системы, стали бы существовать в рамках общей культуры», действительная ситуация не столь однозначно положительная. «В странах с официальной церковью, где религиозная идентичность выбирается не по доброй воле, а по рождению, люди склонны не только к секуляризму, но во многих случаях и к открытому антиклерикализму. Наоборот, граждане стран, не имеющих официальной церкви, обычно ведут более искреннюю религиозную жизнь»³⁷. Несмотря на то что в США отсутствует государственная религия, а публичная жизнь все меньше связана с ней, общий показатель религиозности населения сохраняется. При этом в католических странах сильны антиклерикальные настроения, так как религиозное чувство не может быть обязательным. В стране, где религиозность оставлена на усмотрение самих граждан, они присоединятся к церкви искренне и только тогда, когда почувствуют смысл и значение для них духовного начала. «Когда присоединение к церкви требует серьезного эмоционального участия и изменения привычного образа жизни, между ее членами неизбежно возникает чувство прочной нравственной общности»³⁸.

Показывая на примерах высокого уровня самоорганизации и взаимопомощи среди мормонов повышение значимости протестантских сект в разные периоды истории Соединенных Штатов, Ф. Фукуяма подчеркивает особую социализирующую функцию, выполняющуюся церковью в периоды, когда в страну нахлынули новые этнические и религиозные группы, так как «пропускались» через систему образования. Даже тогда, когда протестантские общины растворились в обществе, частично секуляризировались, специфические протестантские черты (способность к самоорганизации и сотрудничеству) превратились в общенациональные. Усиление религиозности в современных условиях связывается с распространением фундаментализма и сектанства, однако созданный тип социализированности в рамках американского протестантизма постепенно разрушит сам себя, полагает Ф. Фукуяма, ибо порождение религиозной идентичности возможно лишь через индивидуалистически ориентированное сознание³⁹.

Рассмотренная точка зрения позволяет сделать вывод, что отношение к религии как к части национальной культуры в определенные периоды истории в каждой конкретной стране способно выполнять интегративные функции. В настоящее время, несмотря на серьезные социокультурные изменения, религиозный фактор зачастую рассматривается вку-

---

³⁷ Там же. С. 467-468.

³⁸ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 469.

³⁹ См.: Там же. С. 478.

пе с этническим. Более того, по мнению того же Ф. Фукуямы, в странах Восточной Европы наметилось усиление этничности («индивиды держатся за приписываемую им этничность со всевозрастающим упорством»), что связано с отсутствием альтернативных форм общественного устройства. Гражданское общество выводит на исторические рубежи новый тип гражданской идентичности, не ограничивающийся, как это было ранее, только своей сопричастностью к государству.

Итак, динамика социокультурных изменений, связанная с пересмотром многими государствами своего места в мировых процессах в условиях расширяющейся глобализации, обусловила процесс реструктуризации коллективных идентичностей. Если на индивидуальном уровне можно говорить о превалировании усложненной модели «множественной идентичности», гибкой, быстро меняющей иерархию в системе ценностей, норм, предпочтений, то коллективные идентичности также являются многоуровневыми, допуская сопряжение разных типов идентичностей, взаимодополняющих и сменяющих друг друга. На наш взгляд, в современном мире сложились разные типы идентификационных моделей, различающиеся состоянием идентификационного ядра, которое мы предлагаем обозначать как «доминантный», «лиминальный» и «когерентный» типы.

Так, во многих либеральных демократических государствах поддерживаются определенные коллективные идентичности, образующие ядро с «доминантным» идентификационным типом. Ядро может включать два-три обязательных компонента (например, по культуре и по гражданско-политическому сообществу), выбранных из широкого спектра коллективных идентичностей (национальная, государственно-гражданская, региональная (территориальная), культурная, этническая, религиозная, транснациональная и иные идентичности), при этом остальные будут находиться на периферии идентификационной модели. Внутри ядра, как правило, достигается согласованность входящих в него идентичностей, но между «ядерными» идентичностями и периферийными могут создаваться определенные напряжения. «Живая» идентичность не существует в виде жестких моделей.

В государствах, находящихся в состоянии социокультурной, цивилизационной «переходности» и поиска своей идентификационной модели преобладает «лиминальный» тип, характеризующийся слабым ядром, чаще — его полным отсутствием. Это отражает крайнюю неустойчивость модели национальной идентичности, раздираемой внутренними напряжениями между этническими и религиозными идентичностями, культурными, транснациональными и религиозными, религиозными и гендерными и т.д. Близким к этому можно считать модификацию «лиминального» типа — «мерцающей идентичности», также тип нестабильной

по своей структуре идентичности, но уже с намечаемой позитивной направленностью на формирование доминантного ядра. Такая модель включает «идею сохранения идентичности с неизбежностью ее изменений, осуществляемых без разрывов и искусственных конструкций»⁴⁰, и может быть реализована в кратчайшие исторические сроки.

Наиболее перспективным, отвечающим модели эффективного диалога культур и их успешного взаимодействия в условиях глобализации, является «когерентный» тип множественной идентичности, где вся идентификационная матрица функционирует на принципах согласованности и взаимодополнительности многоуровневой системы идентификаций. Эта конструкция также не является раз и навсегда «единственно правильной»: социокультурная динамика предопределяет ее гибкость, но при условии сохранения целостности и общих контуров конфигурации.

Для России вопрос об укреплении коллективной идентичности в условиях глобализации рассматривается как основа для формирования гражданского общества с его прочной социальной солидарностью и ощущением самоидентичности. Можно считать, что в настоящее время население страны «предъявлен» определенный доминантный тип идентификационной модели, конструируются тенденции перехода к более устойчивому когерентному типу. Это имеет политические оправдания. Национально-культурная идентичность, как новая российская идентичность в реальной исторической перспективе, не может оформляться только в процессе социальной самоорганизации.

Зарубежный опыт показывает, что для этого нужна серьезная поддержка со стороны не только власти, но и разных институтов гражданского общества, т.е. речь должна идти о встречном процессе политического конструирования, сопровождающегося укреплением социального государства, расширением демократических инициатив и принципов гражданского общества, ибо в условиях глобализации остановить процесс «размывающихся» идентичностей вряд ли удастся, а переход к когерентной модели может затянуться на долгие годы. Предлагаемый вариант национально-культурной идентичности, где ядром стала бы гражданская, национальная идентичность, не отрицающая многообразия этнокультурных идентичностей и иных коллективных идентичностей, как отвечающих сегодняшним настроениям россиян, – вариант сложный, но вполне адекватный для первых шагов к реальному укреплению российского государства и социальной солидарности.

---

⁴⁰ Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Под ред. К.Х. Делокарова. М., 2005. С. 172.